

Юлия Владимировна Друнина

Юлия Друнина принадлежит к поколению поэтов, начавших свою работу в поэзии в годы Великой Отечественной войны. Первые ее стихи, появившиеся на страницах фронтовой печати, раскрывали душевный мир вчерашней школьницы, которая "ушла из детства в грязную теплушку, в эшелон пехоты, в санитарный взвод". Стихи эти автобиографичны : прямо из школы семнадцатилетняя комсомолка-москвичка Юлия Друнина добровольцем вступила в Советскую Армию и до конца 1944 года была батальонным санинструктором

Юлия Владимировна Друнина, русская советская поэтесса, родилась 10 мая 1924 года в г. Москве. С 1931 Юля училась в московской школе № 131, где преподавал её отец. С детства она любила читать и не сомневалась, что будет литератором. В 11 лет начала писать стихи. Посещала литературную студию при Центральном Доме Художественного воспитания детей, помещавшуюся в здании Театра юного зрителя.

В конце 1930-х годов Юлия Друнина участвовала в конкурсе на лучшее стихотворение. В результате стихотворение «Мы вместе за школьной партией сидели...» было напечатано в «Учительской газете» и передано по радио.

После начала Великой Отечественной войны в семнадцатилетнем возрасте Юлия Друнина записалась в добровольную санитарную дружину, работала санитаркой в глазном госпитале. Окончила курсы медсестёр. В конце лета 1941 года, с приближением немцев к Москве, была направлена на строительство оборонительных сооружений под Можайском. Там, во время одного из авианалётов, она потерялась, отстала от своего отряда, и была подобрана группой пехотинцев, которым была очень нужна санитарка. Вместе с ними Юлия Друнина попала в окружение и 13 суток пробиралась к своим по тылам противника.

Именно в этом пехотном батальоне — вернее, в той группе, что осталась от батальона, попавшего в окружение, — Юля встретила свою первую любовь, самую возвышенную и романтическую. В стихах и в воспоминаниях она называла его Комбат — с большой буквы, но нигде не упоминала его имени, хотя память о нём пронесла через всю Великую Отечественную войну и сохранила навсегда. Уже в самом конце труднейшего пути, при переходе линии фронта, когда в группе оставалось всего 9 бойцов, командир батальона подорвался на противопехотной mine. Вместе с ним погибли ещё двое бойцов, а Друнину сильно оглушило.

Оказавшись снова в Москве осенью 1941 года, Юлия Друнина вскоре вместе со школой, в которой директором был её отец, была эвакуирована в Сибирь, в Заводоуковск, Тюменской области. Ехать в эвакуацию она не хотела и согласилась на отъезд только из-за тяжёлобольного отца, перенёсшего в начале войны инсульт. Отец умер в начале 1942 года на руках дочери после второго удара. Похоронив отца, Юлия решила, что больше её в эвакуации ничто не держит, и уехала в Хабаровск, где стала курсантом Школы младших авиационных специалистов (ШМАС).

В школьные годы я была, так сказать жрицей чистого искусства. Писала только о любви, преимущественно неземной, о природе, конечно, экзотической, хотя не выезжала никуда дальше дачного Подмоскovie. Замки, рыцари, прекрасные дамы вперемешку с ковбоями, лампасами, пампасами и кабацкими забулдыгами — коктейль из Блока, Майна Рида и Есенина. Всё это мирно сосуществовало в этих ужасных виршах. Мы пришли на фронт прямо из детства. Из стихов моих сразу, как ветром, выдуло и цыганок, и ковбоев, и пампасы с лампасами, и прекрасных дам.

Учёба в школе стала для Юлии Друниной очередным кошмаром — очень «социально неоднородный» коллектив её окружал, да и техническая наука давалась с трудом. Через некоторое время девушкам — младшим авиаспециалистам объявили, что их вместо отправки в боевые части переводят в женский запасной полк. Перспектива оказаться вдали от фронта казалась для Друниной ужасной. Узнав о том, что девушек-медиков, в порядке исключения, всё-таки направят в действующую армию, она спешно нашла своё свидетельство об окончании курсов медсестёр и уже через несколько дней получила направление в санитарное управление 2-го Белорусского фронта.

Юлия Друнина бежала на Белорусский вокзал, а в голове неотступно крутилось: **«Нет, это не заслуга, а удача — стать девушке солдатом на войне, нет, это не заслуга, а удача...»** Дописала это стихотворение она только двадцать лет спустя:

**Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне !...**

По прибытии на фронт Юлия Друнина получила назначение в 667-й стрелковый полк 218-й стрелковой дивизии. В этом же полку воевала санинструктор Зинаида Самсонова (погибла 27 января 1944 года, посмертно удостоена звания Героя Советского Союза), которой Друнина посвятила одно из самых проникновенных своих стихотворений «Зинка».

В 1943 году Юлия Друнина была тяжело ранена — осколок снаряда вошёл в шею слева и застрял всего в паре миллиметров от сонной артерии. Не подозревая о серьёзности ранения, она просто замотала шею бинтами и продолжала работать — спасать других. Скрывала, пока не стало совсем плохо. Очнулась уже в госпитале и там узнала, что была на волосок от смерти. В госпитале, в 1943 году, она написала своё первое стихотворение о войне, которое вошло во все антологии военной поэзии:

**Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне**

После излечения Друнина была признана инвалидом и комиссована. Вернулась в Москву. Попыталась поступить в Литературный институт, но неудачно — её стихи были признаны незрелыми. Не попав в институт,

оставаться в Москве Юля не захотела и решила вернуться на фронт. К счастью, её признали годной к строевой службе. Друнина попала в 1038-й самоходный артиллерийский полк 3-го Прибалтийского фронта. Воевала в Псковской области, затем в Прибалтике. В одном из боёв была контужена и 21 ноября 1944 года признана негодной к несению военной службы. Закончила войну в звании старшины медицинской службы. За боевые отличия была награждена орденом Красной звезды и медалью «За отвагу». Орден Красной Звезды Медаль «За отвагу»

В Москве Юлия Друнина оказалась в конце декабря, как раз в середине учебного года, и сразу же пришла в Литинститут. Просто вошла в аудиторию, где сидели первокурсники, и села среди них: «Мое неожиданное появление вызвало смятение в учебной части, но не выгонять же инвалида войны!» Она сдала сессию и даже получила стипендию. Было и голодно, и холодно, в аудиториях замерзали чернила. И все-таки это было такое счастливое время – для всех! И позже она вспоминала его со светлой тоской: «Несмотря на невыносимо тяжелый быт, время это осталось в памяти ярким и прекрасным. Хорошо быть ветераном в двадцать лет! Мы ловили друг друга в коридорах, заталкивали в угол и зачитывали переполнявшими нас стихами. И никогда не обижались на критику, которая была прямой и резкой. Мы еще и понятия не имели о дипломатии».

В начале 1945 года в журнале «Знамя» напечатали подборку стихов молодой поэтессы Юлии Друниной. Так началась ее «литературная карьера». Стихи Юлии Друниной вызвали большой резонанс, и это в то время, когда чуть ли не все стихи писались на военную тему.

**Да, многое в сердцах у нас умрет,
Но многое останется нетленным:
Я не забуду сорок пятый год –
Голодный, радостный, послевоенный.
В тот год, от всей души удивлены
Тому, что уцелели почему-то,
Мы возвращались к жизни от войны,
Благословляя каждую минуту.
Как дорог был нам каждый трудный день,
Как "на гражданке" все нам было мило!
Пусть жили мы в плену очередей,
Пусть замерзали в комнатах чернила.
И нынче, если давит плечи быт,
Я и на быт взираю, как на чудо:
Год сорок пятый мной не позабыт,
Я возвращенья к жизни не забуду!"**

Первая книга стихов Юлии Друниной вышла в 1948 году. Называлась она «В солдатской шинели». "Я принесла домой с фронтов России Веселое презрение к тряпью – Как норковую шубку, я носила Шинельку обгоревшую свою. Пусть на локтях топорщились заплаты, Пусть сапоги протерлись - не беда! Такой нарядной и такой богатой Я позже не бывала никогда..."

А в последующие годы сборники выходили один за другим: «Разговор с сердцем» (1955); «Современники» (1960); «Не бывает любви несчастливой...» (1973); «Окопная звезда» (1975); «Мир под оливами» (1978); «Бабье лето» (1980); «Мы обетам верны» (1983)

Военная тема оставалась для нее главной всегда. Николай Старшинов вспоминает, что «над ней нередко и подшучивали: мол, написала стихи о сосновом боре, а все равно в нем оказались неожиданно сапоги или обмотки...». А она отвечала насмешникам своими стихами:

Я порою себя ощущаю связной

Между теми, кто жив

И кто отнят войной...

Я — связная.

Бреду в партизанском лесу,

От живых Донесенье погибшим несу